

Династия Барташевичей

А. М. Шереметевский

Начать этот рассказ о предках хотелось бы со старого барометра-анероида, стоящего у нас дома на книжной полке. Помню его темный латунный корпус, полированное дерево фигурной подставки ровно столько, сколько и себя.

По рассказам бабушки Александры Владимировны знаю, что барометр принадлежал ее отцу, адмиралу российского флота. Я не раз залезал в таинственный механизм старинного прибора, особенно необходимого парусным морякам прошлого. Скорее всего именно я и порвал тонюсенькую многозвенную латунную цепочку, передающую колебания объема сильфона на стрелку циферблата. В детстве играл с барометром, представляя себя на мостике парусного корабля или в капитанской каюте.

Усатый мужчина с орлами на плечах озабоченно хмурился из-за приближающегося шторма и решал – сколько парусов можно оставить на мачтах, сколько убрать. Это теперь, после того, как поработал в архивах, знаю, что прадед командовал вовсе не парусными фрегатами и корветами, а парходами и

винтовыми канонерскими лодками середины XIX столетия.

Много лет даже и не представлял, как много поколений моих предков были моряками. Помещики и польские чиновники давно забытых рангов – возные, чешники и ловчие в середине XVIII века пошли служить в российский флот. Самые далекие от меня, о ком читал в громадных, полметра высотой и около пуда весом, рукописных реестрах послужных списков, ходили еще на гребных судах. С небольшой натяжкой их можно даже считать ровесниками российского флота. Позже я остановлюсь на конкретных людях, их непростых судьбах, а пока закончу об анероиде.

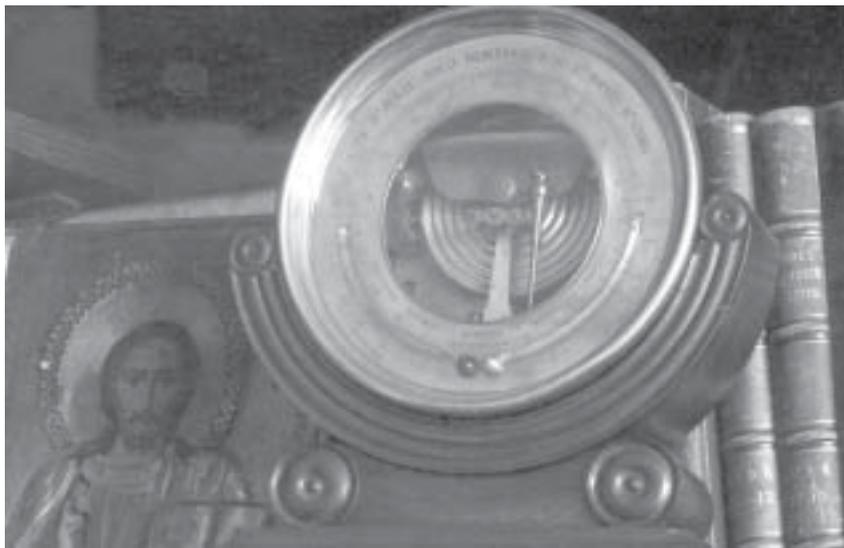
В туманную даль улетели и детство, и юность. За годы научился многим ремеслам. Посмотрел как-то на тусклый металл барометра, разошедшую подставку красного дерева с недостающими деталями и зашевелилась во мне досада. Могу ведь отреставрировать памятную вещь, единственную материальную ниточку, связывающую мой XXI с XIX веком.

Начистил латунные циферблат и корпус до золотого горения, вста-

вил разбитое круглое стекло, стал делать недостающие деревянные детали. Работа неспешная, аккуратная. Фанерую детали шпоном красного дерева, полирую их, а мысли возвращаются к послевоенным временам.

Мама в Ленинграде после войны крутилась на двух-трех работах, чтобы прокормить сыновей и старую бабушку, свою мать, приходила домой очень поздно, когда нам уже давно была пора ложиться спать. Нашим с братом воспитанием занималась бабуля. В ее рассказах разворачивался мир, какого мы совершенно не знали, а если и встречали, то только позднее – в книгах. В адмиральской семье бабушка (девичья фамилия Барташевич) была самой младшей, девятой по счету.

Смольный институт благородных девиц, в который девятилетнюю девочку приняли на казенный кошт после смерти отца. Балы в Зимнем дворце, куда для компании молодым великим князьям приглашали смолянок и пажей. Громадный парадный стол, накрытый на 120 и более персон. Бабуля училась более чем хорошо. Была первой в выпуске, окончив институт с шифром (бриллиантовая брошь на ленте). Фамилии таких учениц высекались на каменных досках, помещенных в вестибюле. Любимица начальницы института светлейшей княжны Ливен была бойкой девочкой. Однажды недосмотрела классная дама, и Шуручка в Зимнем дворце попробовала вино из рюмок, стоявших перед прибором. Стало ей плохо, и отвели проказницу в голубые покои императрицы, отдохнуть и прийти в себя. Да! Во дворе на Моховой, где я проводил все свободное время, была ключом совершенно иная жизнь. Наверно, именно поэтому держал бабушкины рассказы «на особой полочке», рядом со сказками.

Барометр-анероид семьи Барташевичей

Чинил анероид, единственную вещь, принадлежавшую прадеду-моряку, и вспоминались обрывки бабушкиных рассказов. Остро захотелось больше узнать о своих предках – кто они были, где и как жили. Давно уже нет никого из старших, кого можно было бы расспросить. Вот и отправился в Российский государственный исторический архив, в особняк графини Лаваль. Много интересного охраняют два грустных льва, лежащие на набережной Невы у входа в красивый дом.

Первое, что узнал, так это то, что «моих» Барташевичей – многие десятки. В специальном фонде собраны дела «о сопричислении к дворянству». Многочисленные однофамильцы сгруппированы по губерниям. К сожалению, тогда я еще не знал, где искать «своих», откуда они родом. Смотрел десятки дел, выписывал все интересные подробности. Держал в руках старинные документы, разбирал затейливую писарскую скоропись. Сердце замирало от ощущения причастности к давно прошедшим дням, людям, жившим в других столетиях – в XVIII, XVII и даже в средневековье.

Поначалу сильно смущала вторая гласная в фамилии. Кто-то писал фамилию через «а», кто-то – через «о». Мне представлялось, что это разные роды, очень давно разошедшиеся. Исходная форма написания была, безусловно, через «о», поскольку не раз видел в документах названия имений типа Бартошки, где спорная гласная стоит под ударением. Позже понял, что особого значения гласной придавать не следует. В одном и том же документе (вышеупомянутое прошение Антона и Петра в том числе) встречаются два написания. Сами владельцы фамилии пишут ее то так, то эдак. Если до XVIII века преобладала форма написания через «о», то в середине XIX, когда грамматические правила стали строже, пришло большее единообразие и в написании фамилии через «а». В своем рассказе каждый раз привожу написание фамилии так, как оно встречается в архивных записях.

Попытаюсь обрисовать картину прошлого семьи, какую смог нарисовать себе, проведя немало дней в библиотеках и архивах.

Владимир Константинович Шереметевский с женой Александрой Владимировной (урожд. Барташевич). Фото 1900-х гг.

Начну с любопытного документа, который прочитал в Центральном государственном архиве Военно-морского флота (ЦГА ВМФ). Среди дел фонда Морского кадетского корпуса нашлось одно¹, где имелось упоминание о принадлежности известных мне по рассказам бабушки Барташевичей к дворянам Могилевской губернии. Два недоросля из дворян Антон и Петр Барташевичи просили в письме императора Александра Павловича о вступлении в Морской кадетский корпус. Писали они и о покойном отце – Игнатии Бартошевиче, вышедшем в отставку из второго гренадерского полка с чином прапорщика. Архивные специалисты, когда рассказали им об этом, удивились, что в корпус приняли детей пехотного прапорщика. Как правило, туда принимали детей морских обер-офицеров из дворян. Узнав, что корни семьи произрастали именно в Могилевской губернии, смог в итоге объединить многочисленных Барташевичей XIX века с их предками из XVII–XVIII веков.

Была в упомянутом письме информация и о том, что «крестьян за Петром и Антоном не состоит». Это было интересно, поскольку укладывалось в немудреную схему постепенного превращения помещиков и уездной номенклатуры в государевых людей – морских офицеров, продавших свои поместья и живших на жалованье. У мичманов и лейтенантов, слу-

живших в российском флоте в XVIII веке, еще были крепостные крестьяне. Судя по их количеству (меньше сотни), были мои морские предки мелкопоместными дворянами Копысского уезда. Владения несколькими поместьями осталось в прошлом.

Петр Игнатъевич Барташевич, мой прапрадед, стал кадетом двести лет тому назад – в 1808 году. Ходил на люгерах и фрегатах. В 1823–1826 годах лейтенантом участвовал в кругосветном плавании на шлюпе «Предприятие» на Камчатку. Командовал кораблем капитан-лейтенант Коцебу. После кругосветного плавания Петр поступил в штат Морского кадетского корпуса. Плавал с гардемаринами на бриге «Пожарский» между Петергофом и Кронштадтом. Командовал корпусным фрегатом. Награждался различными орденами и даже бриллиантовым перстнем. В 1839 году получил чин капитана I ранга, а в 1841-м – уволен от службы².

То, где располагались родовые гнезда Барташевичей, хорошо иллюстрирует переписка дальнего родственника упомянутых братьев, тоже родом из Оршанской губернии капитана I ранга Алексея Барташевича с начальником Морского кадетского корпуса контр-адмиралом И. Ф. Крузенштерном. Алексей просил разрешить представить своих детей Андрея и Владимира в корпус не к 1 октября, а с опозданием, по установлению зимней дороги. Можно представить, в какой глуши Псковской губернии жил отставной капитан, если выехать оттуда можно было только по зимнему пути. Малолетние дети просителя закончили обучение в Александровском корпусе и были переведены ко времени переписки «в комплект». Разрешение капитан получил, но с условием, что представит сынов только к январю месяца³. Алексей Барташевич, так же как и Петр, служил в Морском корпусе и командовал одно время бригам «Пожарский». Судя по датам, он принял командование кораблем у родственника. Позже, в 1839 году, Алексей, командуя фрегатом «Александр Невский», посадил его на мель между Свеаборгом и Кронштадтом, за что был лишен командования впредь до отличной выслуги. Получить эту самую выслугу он

не успел, и в 1843 году был уволен от службы капитаном I ранга. Мальчики, за которых просил отец, стали отличными моряками. Владимира в 1862 году произвели в капитан-лейтенанты. К сожалению, он рано умер и похоронен на Волковском кладбище Петербурга.

Андрей командовал разными кораблями. В том числе канонерской лодкой под номером 9, которая противостояла англо-французскому флоту при нападении на Кронштадт. Лодка занимала позицию около реки Нарвы. В 1882 году Андрея произвели в контр-адмиралы.

Родной брат Петра – Антон Игнатьевич Барташевич в свое время был широко известен в морских кругах из-за приключившейся с ним трагической истории. Ее отзвуки слышал даже я в переложении бабушки, рассказывавшей, что ей довелось читать книжку про этот случай. Служба у братьев была во многом схожа. В одно и то же время получали чины. В 1822–1824 годах лейтенант Антон Барташевич участвовал в кругосветном плавании к северо-западным берегам Америки на шлюпе «Ладога». Командовал шлюпом капитан-лейтенант Лазарев. Незадолго до этого плавания Михаил Лазарев уже участвовал в очень непростой экспедиции в Южный океан. В 1819–1821 годах два шлюпа – «Мирный», под командованием капитан-лейтенанта Беллинсгаузена, и «Восток», под командованием лейтенанта Лазарева, первыми в мире достигли берегов антарктического ледового континента. Мне, живущему в России почти два столетия спустя, тоже довелось работать у южного континента. Больше полутора лет, с 1970 по 1972 годы, зимовал на маленьком островке в высокой Антарктике. Три питерских гидробиолога первые и до сих пор единственные погружались в переохлажденные зимние воды в морях, лежащих у самого полярного круга. Наверное, именно поэтому меня особо интересует экспедиция, открывшая ледовый континент. Будь Антон или Петр Барташевичи чуть постарше, они вполне могли бы проторить далекому потомку путь в антарктические воды.

В 1827 году Антона перевели в гвардейский экипаж на 84-пушеч-

ный линейный корабль «Фершампенуаз». Судно было головным в большой серии. Кроме него на воду были спущены «Императрица Александра», «Эмгейтен», «Гангут». На «Фершампенуазе» Антон участвовал в военных действиях против Турции. Ходил на Мальту, был в блокаде Дарданелл, крейсерствовал в Архипелаге. В 1831 году «Фершампенуаз» возвратился в Кронштадт. Командир корабля Г. И. фон Платер по приходе убыл с корабля, оставив временным командиром флаг-офицера капитан-лейтенанта Барташевича. На входе в гавань, где стояли линейные корабли, на «Фершампенуазе» в пустой кюйт-камере возник пожар. Судно полностью сгорело. Погибли люди. При пожаре пропало много документов эскадры, в том числе и финансовых, что позволило Николаю I счесть, будто корабль сожгли. Мог погибнуть и стоявший рядом «Александр Невский». Хорошо, что на нем успели обрубить якорные канаты и, поставив паруса, отойти. Иначе потеря было бы еще больше.

Начальником комиссии, разбиравшей это дело, был адмирал Лазарев, бывший командир Антона на шлюпе «Ладога». Авторитетный моряк сумел доказать царю, что поджога не было, а в пустой кюйт-камере во время ее мытья произошло самовозгорание пороховой пыли. Тем не менее вина за гибель корабля была возложена на флаг-офицера. Его разжаловали в матросы за неисполнение обязанностей. Капитан I ранга Платер не пострадал вовсе. Его даже произвели в контр-адмиралы.

Думаю, на флоте считали, что Антон Барташевич оказался стрелочником, на котором отыгрались. Во всяком случае через несколько лет он снова капитан-лейтенант, а в 1838 году переведен в ластовый экипаж подполковником. Этим экипажем он и командовал до своей смерти (в 1851 году) в чине полковника⁴.

У Петра Игнатьевича было четверо сыновей: Карл-Рафаил, Эммануил, Владимир и Петр. Все они учились в Морском кадетском корпусе, правда, с разными успехами. На флоте долго служил только Владимир Петрович, мой прадед, владелец анероида. Петр из

корпуса был переведен юнкером в сухопутные войска. О Карле имеется в архиве любопытная переписка отставного капитана I ранга и корпусного начальства. Тогдашний начальник корпуса контр-адмирал Сергей Степанович Нахимов (брат героя обороны Севастополя) просил отца забрать кадета из корпуса. 18-летний парень за четыре года так и не смог перейти из начального класса в следующий. Дали ему испытательный срок, который ничего не изменил. По просьбе заслуженного моряка отчислили сына по состоянию здоровья. Переписка эта шла с включением в решенные дела даже генерал-адмирала, высшего морского начальника, который и разрешил дать бывшему кадету бумагу без оценки его успехов в учении⁵.

Поначалу всех Барташевичей связывал с Петербургом в основном кадетский корпус, место, где они становились моряками. Это потом многие осели в Петербурге. Служили они и на Балтике, и на Черном море, и в Архангельске, и даже на Дальнем Востоке. В XVIII веке, во времена Елизаветы Петровны, Морской кадетский корпус назывался еще Шляхетским (до 1802 года) и располагался в Кронштадте. Старый дом на Неве стал негоден после случившегося в нем пожара. Корпус неоднократно переезжал, расширялся вместе с флотом, менял название. С середины XIX века стал называться Морским училищем. Довольно долго детей отдавали в корпус совсем маленькими – пяти-шести лет. Таких малышей готовили к учению отдельно в Александровском корпусе, в Царском Селе, и только потом переводили на набережную Невы. 4-ю роту малолетних кадетов упразднили в 1859 году⁶.

Судя по некоторым воспоминаниям кадетов, условия жизни в корпусе были нелегкими. Процветало то, что нынче называют дедовщиной. У каждого гардемарина был на положении крепостного слуги младший кадет. Драки были повседневным развлечением, так что характеры выковывались у воспитанников крутые. По некоторым свидетельствам, кадетов часто секли розгами, по другим – наказывали, проводя костышками

кулака по стриженной голове. Прибавленное тут к описанию мнение мемуариста, что это даже нравилось воспитанникам, заставляет думать, что воспоминания сильно откорректированы. Полагаю, если бы среди бывших кадетов нашелся литератор типа Помяловского, была бы у нас книга не менее интересная, чем «Очерки бурсы».

С интересом выписывал характеристики кадетов Барташевичей, имеющиеся в их делах. Антон, сын умершего командира ластового экипажа, рождения 1848 года, замечен как живой, ласковый, обидчивый, веселый, способностей довольно хороших, довольно прилежен⁷. Довелось прочесть и весьма лестную аттестацию уже не кадета, а контр-адмирала А. А. Барташевича 2-го, подписанную контр-адмиралом Рожественским и скрепленную адмиралом Авеланом⁸. В лестной аттестации отмечалось свободное владение французским языком, что меня немало удивило. Всегда казалось, что знание французского языка в определенных социальных кругах России было настолько распространено, что не являлось особым отличием. Не могу представить капитана царской яхты, не говорящего по-французски. В аттестации отмечались способности адмирала не только к строевой, но и к административно-хозяйственной службе.

Брат Антона Антоновича – Гавриил, будущий преподаватель Морского училища и редактор «Морской газеты», в корпусе тоже характеризовался ласковым, добрым, послушным, особо любимым товарищами, хороших способностей и прилежания.

Не все Барташевичи были так послушны и прилежны. В конце XVIII столетия в Шляхетском морском кадетском корпусе учились три сына Ивана Францевича Бартошевича: Станислав, Александр и Михаил, соответственно 1776, 1783 и 1784 годов рождения. У будущих морских офицеров еще были крепостные души в имениях. Помимо моряков были у Ивана – старосты Батюнского повета, еще сыновья, но не флотские: Павел – ротмистр гусарского Баурского полка и Иосиф – поручик польской артиллерии, позже Белицкий депутат Могилевской гу-

Морской кадетский корпус на набережной Невы. Старая открытка

бернии. Средние братья – Александр и Станислав служили на Черном море. Михаил – в Петербурге. Михаил получил чин мичмана в 1789 году. В 1788 году на корабле «Иоанн Богослов» еще гардемарин участвовал в сражении с неприятелем на Балтийском море. (Так обозначил Балтику корабельный писарь. Судя по пушкинским «балтийским волнам», такое название было общепринятым.) Видимо, Михаил был дерзок и непочтителен. Капитан корабля Александр Минаров аттестует его плохо: «...поведения худого, к должности ленив». Эскадренный командир и флагман с мнением непосредственного начальника согласны: «...по должности нехорош». Михаил был отставлен от службы лейтенантом в 1804 году⁹.

Александр получил чин мичмана в 1793 году. Служил на Черном море, на гребных судах, а потом в эскадре адмирала Ушакова. Был в сражении у Корфу, его корабль взял в плен турецкое судно. Участвовал в походах на Сардинию, Геную. В 1797 году служил на 74-пушечном корабле в Санкт-Петербурге, на следующий год – снова на Черном море, на корабле «Святые Симеон и Анна». Трудно разбирать скоропись флотского писаря XVIII века. Буквы совсем другие, нужно заглядывать в переводные таблицы, почерки плохо читаются. Но такой историей, прошлым России пахнуло на меня, когда разбирался со старыми рукописными книгами весом в пуд. Для

меня сражения Ушакова – это блистательные победы российского флота, а для писаря, современника славных дел, только тема, какую следует отразить в послужном списке мичмана¹⁰.

Станислав получил мичманский чин в 1796 году, служба на Черном море. В послужном списке молодого мичмана сообщаются интересные сведения, в том числе и такие: «Читать и писать умеет. Поведения хорошего. Должность исполняет с расторопностью». Служил мичман на фрегате «Князь Владимир». В 1799 году послан в Санкт-Петербург для хорошей практики на брандвахтенный фрегат «Воин». Исполнял на нем обязанности переводчика.

Недаром веду речь о династии. Много Барташевичей служили на флоте. Как правило, одновременно несколько. По флотскому обычаю в порядке старшинства им прибавляли к фамилии порядковый номер. Часто в документах можно увидеть Барташевича 3-го, а в конце XIX века служил и Барташевич 4-й.

Интересная морская дорога выпала моему прадеду Владимиру Петровичу Барташевичу (1829–1885), потомственному дворянину Санкт-Петербургской губернии. В семнадцать лет – гардемарин, через два года – мичман. Служил на многих судах. Довелось ему в 1854 году лейтенантом охранять Кронштадт от англо-французского флота. В следующем году отчислен в понтонный парк гвардейского пе-

хотного корпуса, с которым проделал сухопутный переход из Петербурга до Динабурга (сейчас Даугавпилс) и обратно. В 1857 году заведовал катерами царской фамилии. В 1858 году занимался промером Невской губы. В 1860-м командовал винтовой канонерской лодкой «Русалка», а позже – 1-м отрядом таких судов. Остальные лодки назывались «Щит», «Повеса». Всеми ими прадед в разные годы командовал. Был командиром 4-й роты гвардейского экипажа, парохода-фрегата «Владимир», несшего брандвахтенную службу на рейде Свеаборга. Награжден многими орденами. В 1885-м получил звание контр-адмирала с увольнением от службы¹¹. У Владимира Петровича от двух браков было девять детей, но, насколько я знаю, на флоте никто из них не служил. Были артиллеристы, кавалеристы, гражданские чиновники, военные инженеры, врач. Бабуля моя получила после Смольного института совершенно загадочную для меня профессию – пепиньерки. Через много лет выяснил, что так называли выпускниц Смольного института, оставленных в нем для преподавания. Очередными моряками, продолжившими род Владимира Петровича, стали его внук Петр Иосифович и правнуки – мы с братом. Бабушка не раз говорила, что у брата адмиральский затылок. Может быть и так, хотя адмиралом Володя не стал, а я даже не представляю, как должна выглядеть у

Яхта «Александрия». В центре – гофмаршал П. К. Бенкендорф, справа – А. А. Барташевич. Фото К. Буллы

морских начальников упомянутая часть головы.

Высоких постов в морской службе достиг двоюродный брат прадеда Антон Антонович Барташевич. Его лестная аттестация упоминалась выше. В 1871 году Антон становится мичманом. В 1874-м – лейтенантом. Командовал на Балтике двухбашенной канонерской лодкой «Смерч». В 1876-м командирован на русско-турецкий фронт. Заведовал минными складами во Фратешти. В 1878–1879 годах командовал миноносками «Штык», «Селезень», «Самопал». Служил на императорских яхтах «Держава» и «Никса» (яхта носила семейное имя наследника Александра III – Николая, будуще-

го царя). Был старшим офицером яхты «Стрельна», клипера «Стрелок». Несколько позже принял над клипером командование. К тому времени судно уже числилось крейсером II ранга.

С 1895 по 1901 год Антон Антонович в чине капитана I ранга командовал царской яхтой «Александрия». К 1896 году относятся две фотографии, сделанные на палубе яхты. С немалыми трудами удалось найти негативы, хранящиеся в Центральном государственном архиве кинофотофонодокументов Санкт-Петербурга.

На одном снимке видны трое. Посредине – гофмаршал П. К. Бенкендорф, по бокам – два морских офицера, один из которых – Антон Антонович Барташевич. Нашлась в архиве и еще одна фотография того же мастера. Сделанная сто лет назад, она прекрасна по качеству и дает возможность представить себе людские типы офицеров морской гвардии.

С 1902 года Антон Антонович – контр-адмирал. Недолго командовал гвардейским экипажем. Каких только диковинных орденов не вешали офицеру на грудь! И мекленбургско-шверинские Грифа 3-й и 2-й степеней, и сиамский – Белого слона 3-го класса, и командорский крест французского Почетного легиона, и прусский орден Короны 2-го класса. Были у него румынский орден Звезды 3-го класса, болгарский Александра I, персидский – Льва и Солнца 2-й степени со звездой. Отечественных

Старший офицер А. А. Барташевич на судне «Стрелок». Фото К. Буллы

орденов тоже впечатляюще много. Высшая должность Антона Антоновича – младший флагман Балт-флота, командующий сводным отрядом флотских экипажей в Санкт-Петербурге. В 1906-м ему присвоили звание вице-адмирала с увольнением от службы. В 1911 году вице-адмиралу, много лет служившему в гвардии, прислали приглашение участвовать в праздновании 200-летия гвардейского экипажа. Из приглашения узнал, что последняя петербургская квартира предка располагалась в доме 74 по Екатерининскому каналу (ныне канал Грибоедова).

У братьев Антона Антоновича и Гавриила Антоновича сыновья продолжали морскую традицию. Адмирал назвал сына распространенным в семье именем – тоже Антоном. Антон Антонович 2-й учился в Морском училище. Документы об этом периоде его жизни я читал. В деле сохранился даже его лазаретный билет. Болел Антон в сыпучном Петербурге гриппом. Дальше проследить жизнь младшего Антона Антоновича не смог.

Далеко разметала революция потомственных моряков. Не знаю, где оказался Иван Станиславович Барташевич, в Первую мировую войну служивший на Черном море. Боевые ордена, полученные им, рассказывают, что служил хорошо. Скорее всего, если не погиб, ушел в эмиграцию. Кое-кто из Барташевичей нашел упокоение на парижском кладбище для русских эмигрантов в Сент-Женевьев де Буа. Лежит там и племянник бабушки – Петр Иосифович Барташевич (1889–1962). Памятник ему осенен изображением Андреевского фла-

га. Имя этого родственника в морских документах я не нашел. Только флаг говорит о его причастности к морю. В жизни хорошо знал родную сестру Петра Иосифовича – Елизавету Иосифовну. Знал и ее сына – академика Александрова. В шестидесятые годы, когда учился в Ленинградском государственном университете, ректорствовал там не кто иной, как Александр Данилович Александров. У академика со студентом второго курса биофака никаких отношений, естественно, не было, но с его мамой я дружил. Светлая женщина была тетя Лиля!

Гавриил Антонович, родной брат адмирала, дослужился в Морском училище до чина капитана I ранга и был отставлен в 1890 году. Своего сына он по традиции опять же назвал Антоном.

Антон Гаврилович Барташевич, родившийся в 1869 году, после окончания Морского училища служил на Дальнем Востоке. В 1890 году – лейтенант, старший помощник командира Владивостокского порта. В 1904-м – капитан-лейтенант. Перед Русско-японской войной служил на крейсерах «Забияка» и «Гиляк», на крейсере I ранга «Рюрик». Флагманский артиллерист штаба командующего Тихоокеанским флотом (Список чинам флота и зачисленным по флоту. 1905 г. ч. 2). Как воевал Антон Гаврилович в Русско-японскую войну – не знаю. После войны он пошел по стопам отца и был зачислен преподавателем в штат Петербургского морского училища.

На вершине генеалогического древа известных мне Барташевичей поместился прадед моего пра-

радеда Иван Викторин, Вендежский чешник, родившийся в начале тридцатых годов XVII столетия. Несколько ветвей потомков Ивана дали российскому флоту немало моряков.

Закончить рассказ о династии морских офицеров хотелось бы любопытной деталью, упомянутой в документах о сопричислении к дворянству могилевских Барташевичей. Я уже упоминал о праправнуках Ивана Викторина – сыновьях Ивана Францевича – старосты Батюнского повята, служивших в российском флоте. Старший сын Иосиф, польский артиллерист, видимо, как и я, интересовался историей семьи. Во всяком случае именно он представил в Российский сенат документы, имеющие для Барташевичей особый интерес. В постановлении геральдической комиссии Сената о них сказано так: «...представленные документы свидетельствуют о древности рода, печатанного гербом, приобретенным в Польше в 1248 году». Там же есть описание герба. «В голубом поле, под белую подковку, золотой орденский крест. С обеих же сторон подковы две стрелы, из коих – одна вверх, а другая вниз концами обращены. В шлеме же два распростертых орлиных крыла»¹². Герб могилевских Барташевичей называется «Лада», но у других Барташевичей, например минских, – герб носит название «Ястребец». По-видимому, это связано с тем, что на последнем изображены не орлиные, а ястребиные крылья.

Не могу поименно довести древо до XIII века, но дата, уводящая в средневековье, тревожит воображение.

¹ Центральный государственный архив Военно-морского флота (ЦГА ВМФ). Ф. 432. Оп. 5. Д. 904. Л. 1.

² Общий морской список.

³ ЦГА ВМФ. Ф. 432. Оп. 7. Д. 216. Л. 39.

⁴ Андриенко В. Г. До и после Наварина; Общий морской список.

⁵ ЦГА ВМФ. Ф. 432. Оп. 1. Д. 4382. Л. 1.

⁶ Морской кадетский корпус: Краткий ист. очерк. СПб., 1901.

⁷ ЦГА ВМФ. Ф. 432. Оп. 2. Д. 115. Л. 8.

⁸ Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 83.

⁹ Там же. Ф. 406. Оп. 7. Д. 27. Л. 694.

¹⁰ Там же. Д. 59. Л. 1240.

¹¹ Там же. Ф. 417. Оп. 5. Д. 296. Л. 2.

¹² Российский государственный исторический архив. Ф. 1343. Оп. 17. Д. 1351.